

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-563-580>

<https://elibrary.ru/QQUHUUW>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

О.И. Федотов
ТРОЯН В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
И СОНЕТАХ АЛЕКСАНДРА КОНДРАТЬЕВА

*Статья написана при поддержке Российского научного фонда,
проект № 28-23-00545 «Сонет и сонетные ассоциации
в русской поэзии XIX–XXI вв.»*

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу гипотетического образа Трояна в «Слове о полку Игореве» и цикле сонетов Александра Кондратьева «Славянские боги» (1936). Хорошо разбираясь в различных интерпретациях этого загадочного образа средневековья, поэт отдал безоговорочное предпочтение мифологическому направлению. Вдохновляющим примером для него стала книга Петра Бутурлина «Сонеты» (1895). За двадцать лет проживания в волынском городе Дорогобуж Кондратьев изучил местные легенды как в их фольклорном бытовании, так и в изложении польских авторов Яна Длугоша (XV в.) и Александра Брюкнера (своего современника). Анализ трех сонетов Кондратьева «Земля I», «Земля II» и «Троян» показал, что, несмотря на отсутствие прямых заимствований из «Слова о полку Игореве», их автор не отрекался от древних славянских богов, а попытался извлечь из языческой мифологии свойственную ей яркую образную пластику, щедро дополнив ее собственной поэтической фантазией.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», сонеты, Троян, Петр Бутурлин, Александр Кондратьев.

Oleg I. Fedotov
A TROYAN IN THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN
AND THE SONNETS OF ALEXANDER KONDRATIEV

Acknowledgements: The article was completed with the support of the Russian Science Foundation, project no. 28-23-00545.

Abstract: The article examines a comparative analysis of the hypothetical image of Trojan in *The Tale of Igor's Campaign* and Alexander Kondratiev's

sonnet cycle *Slavic Gods* (1936). Being well versed in various interpretations of the mysterious image by Medievalists, the poet gave unconditional preference to the mythological direction. An inspirational example for him was the book of Pyotr Buturlin *Sonnets* (1895). During the period of 20 years of residence in the Volyn city of Dorogobuzh, Kondratiev studied local legends both in the folklore existence and in the presentation of Polish authors Jan Długosz (15 c.) and Alexander Brückner (his contemporary). An analysis of Kondratiev's three sonnets *Earth I*, *Earth II* and *Troyan* showed that despite the absence of direct borrowings from *The Tale of Igor's Campaign*, the author did not renounce the old Slavic gods, but tried to extract from pagan mythology inherent in it bright figurative plasticity, generously supplementing it with his own poetic fantasy.

Keywords: *The Tale of Igor's Campaign*, sonnets, Troyan, Pyotr Buturlin, Alexander Kondratiev.

Особую разновидность вольных переложений и вариаций по мотивам «Слова о полку Игореве» составляют более или менее близкие ему интерпретации, выполненные, казалось бы, в совершенно неорганичной для древнерусской словесности XII века жанрово-строфической форме... сонетов. Впрочем, почему не органичной? «Слово» и сонет практически ровесники: рождение сонета в итальянской литературе, как принято считать, приходится на промежуток между 1210–1220 гг., а уровень художественного совершенства того и другого вполне сопоставим. В этот же период давнюю идею, изложенную еще в «Началах» Евклида, о пропорции золотого сечения, оказавшейся свойственной сонету и в еще большей степени, как выяснится впоследствии, венку сонетов, реанимировал итальянский математик Леонардо Пизанский (Фибоначчи). В наше время ее типологически связали с сонетом Юрий Линник [27, с. 43 и след.] и со «Словом о полку Игореве» Андрей Чернов [15, с. 151–153].

Форма сонетов, понятное дело, служила в основном для лирических или лироэпических медитаций по мотивам «Слова о полку Игореве». Таковы сонеты Петра Бутурлина о языческих богах, потеснивших в поэме христианские мотивы, сонет Максимилиана Волошина «Гроза» из цикла «Киммерийские сумерки» [12; 10], сонеты Александра Кондратьева, посвященные тем же славянским языческим богам [13; 19], сонетный цикл Владимира Пальчикова (Элистинского) «Поэт полка Игореве» и др. [11]

Самый первый опыт обращения к сонетной форме в связи с мотивами «Слова о полку Игореве» принадлежит Петру Бутурлину,

посвятившему несколько циклизующихся между собой сонетов славянским богам, в числе которых упомянуты Перун, Мать Сыра Земля, Мерцана, Лад, Дажьбог, Ярило, Велес, Стрибог и Троян. Скромное имя Бутурлина Игорь Северянин назвал среди корифеев отечественной сонетистики:

Петрарка, и Шекспир, и Бутурлин
(Пусть мне простят, что с гениями рядом
Поставил имя скромное парадом...)
Сонет воздвигли на престол вершин.
[28, с. 621]

Языческий пантеон славянских богов в цикле сонетов Петра Бутурлина представлен значительно шире и гораздо подробнее, нежели в «Слове о полку Игоре»¹. Очевидным образом, генетически он был связан не столько с выдающимся памятником древнерусской литературы, сколько с изучением специальных мифологических источников, в том числе и античных. С другой стороны, синтезируя мифологические образы и их отражение в «Слове о полку...», Петр Бутурлин оставался поэтом, активно осваивающим столь привлекательную для него жанрово-строфическую форму сонета. Конечно же, помимо своего личностного отношения к каждому из трактуемых им языческих божеств, он стремился придать им черты, свойственные земным людям, по образу и подобию которых они испокон веков создавались. Как первопроходец, он ввел в традицию некоторые характерные приемы, например, самопрезентацию, автохарактеристику персонажей, как это принято в древних мемориальных надписях и ролевой лирике: «Я — Мать Сыра Земля! Я гроб и колыбель!...» [23, с. 24]¹, «Я — Велес — мирный бог. Меж спящих стад дозором...» [23, с. 25]. Если Бутурлин применил этот прием лишь в двух сонетах, у его продолжателей он превратился в стереотип. Самым активным и талантливым продолжателем заложенных Бутурлиным традиций стал его младший современник Александр Кондратьев.

Об этом явно недооцененном поэте Серебряного века Александр Блок отозвался в высшей степени комплементарно: «Кондратьев уди-

---

¹ Своеобразным обрамлением, с перестановкой полустиший, зачин откликается в сонетном замке: «Я — гроб и колыбель! Я — Мать Сыра Земля!» [23, с. 24].

вительный человек. <...> Он — совершенно целен, здоров, силен инстинктивной волей; всегда в пределах гармонии, не навязывается на тайну, но таинственен и глубок. Он — страна, после него душа очищается — хорошо и ясно» [22, с. 84]. В юные годы будущий поэт учился в 8-й петербургской гимназии в то время, когда в ней директорствовал И.Ф. Анненский. Хотя после поступления в университет ему пришлось изучать юриспруденцию, а не филологию, изначально он превосходно знал мифологию в ее классическом, античном варианте. Большое впечатление на него произвели вышедшие в 1891 и 1895 гг. (посмертно) книги Бутурлина «Двадцать сонетов» (Киев, 1891) и «Сонеты» (Киев, 1895), переключившие его творческие интересы на славянскую мифологию.

В дальнейшем судьба распорядилась так, что Кондратьев переселился в имение своей жены в Дорогобуже близ Ровно на Волыни, где ему пришлось прожить два десятилетия, с 1919 по 1939 гг. За это время он изучил местные предания как в фольклорном их бытовании, так и в изложении польских² ученых: каноника XV в. Яна Длугоша по его 12-томной «Истории Польши» на латинском языке, частично переведенной на русский, и современного ему исследователя Александра Брюкнера по двум его работам о славянской и польской мифологии³. Недаром среди волынских знакомых он прослыл авторитетным «специалистом по языческим богам и <...> чертям» [2, с. 311–316].

В 1936 г. Кондратьев выпустил книгу под названием «Славянские боги», структуру и основной пафос которой лапидарно охарактеризовал автор предисловия к новейшему ее переизданию в составе сборника «Боги минувших времен» (2001) Вадим Крейд: «Эта книга — галерея сверхъестественных автопортретов. Каждый из героев ее, начиная с бога-прародителя Сварога и кончая демонами сна, произносит монолог длиной в 14 сонетных строк, и в этом сжатом объеме умещаются выразительные черты каждого из представленных в сборнике сверхъестественных существ» [25, с. 30].

Кстати, и сам поэт в предисловии к «Славянским богам» высказывает несколько концептуальных идей, во многом проясняющих

---

² С 1921 по 1939 гг. Ровно с прилегающими к нему территориями находился в составе Волынского воеводства Польши.

³ *Mitologia słowiańska* (1918) и *Mitologia polska* (1924). См.: [20].

избранную им поэтическую стратегию. Мифологию, как ему представляется, создают не только жрецы, но и в не меньшей степени художники и поэты. Из-за расхождений в интерпретации славянских божеств (их числа, происхождения, имен, функций, внешнего вида и атрибутов) российским поэтам в произведениях соответствующей тематики часто «случалось и случается порою впадать в ошибки». По этой причине «почти все славянские божества, не упомянутые средневековыми летописцами, а отчасти даже и упомянутые ими, взяты в настоящее время учеными под сомнение. Часть их признана вовсе не существовавшей, а части приписывается чужеземное происхождение (хотя как в эллинской, так и германской мифологиях существовали бессмертные, заимствованные у соседних народов) [25, с. 203]. Вследствие всего этого поэт предпринимает попытку «воскресить» редуцировавшиеся образы, восстановить по имеющимся в его распоряжении осколкам «божественные лики славянского пантеона» [25, с. 204].

Наименее востребованным в пантеоне «Славянских богов», хотя и первым упомянутый в «Слове», оказался самый загадочный из них — Троян.

В «Слове о полку Игореве» Троян упоминается четыре раза в форме притяжательного прилагательного «троянь». Оно сочетается с «тропой», через которую «рыщет» Боян [31, с. 6], с давними «веками», после которых миновали годы Ярослава и походы Олега Святославича [31, с. 14–15], с «землей», на которую «въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука» [31, с. 19], и еще раз с веком, седьмым по счету, видимо, после Трояна, когда Всеслав Полоцкий «връже <...> жребій о дѣвицю себѣ любу» [31, с. 35].

Применительно к нашей теме нет особой нужды рассматривать необозримое множество исследований медиевистов, пытавшихся в течение двух с лишним веков разгадать, кто же или что же скрывается за этими таинственными прилагательными. Достаточно сослаться на обзорные статьи Л.В. Соколовой [8, с. 325–362; 32, с. 131–137], в которых четко обозначены пять основных направлений: 1) историческое, подразумевающее под именем Трояна какую-то историческую личность, город или страну, 2) мифологическое, полагающее, что Троян — общеславянское божество, олицетворение солнца, луны, зимы, войны, потустороннего мира, зла, ночи, тьмы и т. п., 3) абстрактное или метафорическое направление, сторонники которого абстрагиру-

ются от конкретного носителя имени Троян, усматривая под производными от него прилагательными обобщенную метафору, эпитет либо абстрактное понятие, связанное с числительным «три», 4) компилятивное, компромиссно объединяющее две или даже все три выше-названные точки зрения, и 5) негативное направление, сторонники которого сомневаются в том, что само это слово сохранилось в дошедшей до нас рукописи в неискаженном виде⁴.

Конечно, для нас, как и для Кондратьева, актуальнее всего мифологическая концепция, сторонники которой мыслили под Трояном древнее языческое божество с весьма многообразными функциями, хотя и она имела немало уязвимых позиций как с хронологической, так и с географической точки зрения, т. е. по ареалу распространения культа [8, с. 325–363]. По мнению В.Н. Топорова, «Троян в “Слове” связан как с мифологемой пространства, так и с мифологемой времени: “века Трояни” — обозначение языческой эпохи и времени княжения первых русских князей-героев <...>, седьмой (последний) век Трояна относится к правлению Всеслава Полоцкого (11 в.) последнего мифологизированного князя-оборотня...» [33, с. 538; 9].

Обращаясь к Бояну, риторически понуждая его воспеть поход князя Игоря на Половецкую землю, автор «Слова» называет его «соловьем», имея в виду творческое воображение поэта, которое не знает пределов. То он скачет по мысленному древу, напоминающему скандинавский Мировой Ясень Иггдрасиль, соединяющий Небо и Землю, «летая умомъ подь облакы», обнимая славу всей отраженной в его творении эпохи и, что для нас особенно важно, рыща по тропе Трояна «чресь поля на горы», т. е., как считал Д.С. Лихачев, «преодолевая огромные расстояния» [30, с. 367].

Во второй раз определение «Трояни», сопровождая подлежащее «века», обозначает, скорее всего, известную хронологическую веху — время язычества, наряду с «годами Ярослава» и «походами Олега Святъславича». Попутно тем самым уточняется хронологический

---

⁴ В одной из последних работ, освещающих эту сложную и вряд ли разрешимую проблему, в статье В.И. Максимова «Века Трояновы и время Бусова» в «Слове о полку Игореве» предлагается еще одна версия толкования четырех прилагательных, обозначающих, по мнению автора, временную протяженность в женском роде — «троянь» — как временной промежуток правления «триувирата» (князя Олега Вещего, юного Игоря и его жены Ольги) [7, с. 708].

аспект предыдущего объединения «славы» обеих половин «сего времени».

Удивительно поэтично вписалось имя Трояна в следующий фрагмент памятника, где оно объединяется с именами еще двух мифологических персонажей Дажбога и Девы-Обиды. В переводе Д.С. Лихачева на современный русский язык эта тирада звучит так: «Встала Обида в войсках Даждьбожа внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона; плеща, прогнала времена изобилья» [30, с. 77]. Как тут не вспомнить о типологически, а возможно и генетически, близких строках Гомера:

Богиня могучая все совершила,
Дщерь громовержца, Обида, которая всех ослепляет,
Страшная; нежны стопы у нее: не касается ими
Праха земного; она по главам человеческим ходит,
Смертных язвя; а иного и в сети легко уловляет.
Древле она ослепила и Зевса, который превыше
Всех земнородных и всех небожителей...

[24, с. 325]

Как видим, у Гомера Обида (Ата) — богиня, дочь Зевса, пластичное олицетворение абстрактного чувства, персонификация ссор и раздора. Но наименование «Обида» в оригинальном греческом тексте отсутствует. Его, видимо, не без влияния «Слова», привнес в русский перевод Н.И. Гнедич. Если допустить, что автор «Слова» прямо или косвенно знал о творчестве Гомера⁵, то он существенно переосмыслил этот образ и, вписав его в единый орнитологический ряд, придал ему русский колорит и политическую злободневность⁶. Для актуали-

---

⁵ Как знал о нем, допустим, Климент Смолятич, который излагал «от омира и от аристоля и от платона, иже во елиньских нырехъ славию беша», или инок Феодосий, считавший, что «еже от греческого словеньскы переложити <...> — учившимися от млад ногот омирьским и риторским книгам, таково есть дело». Подробнее см.: [18, с. 197–198; 16; 17, с. 12–28].

⁶ Приблизительно так же поступил М. Волошин в сонете «Гроза» из цикла «Киммерийские сумерки», завершив его чрезвычайно экспрессивным символическим аккордом: Дева-Обида раскинула свое крыло «над гневным Сурожем и пенистым Азовом». Подробнее см.: [12].

зации центрального концепта произведения необходимо было подчеркнуть, что трагическая гибель дружины Игоря могла быть предотвращена, если бы прекратились внутренние «которые», если бы, объединившись, князья-соколы дружно изгнали враждебных птиц, не давая своего гнезда — родной земли — в обиду. Что же касается конкретно «земли Трояни», это словосочетание в данном контексте, скорее всего, синонимично «земле Русской».

И, наконец, последнее упоминание Трояна, также связанное с хронологическим рядом: «На седьмом веке Трояна кинул Всеслав жребий о девице ему милой» [30, с. 85]. Текст «Слова», начиная с этой фразы и до зловещей Бояновой «припевки», звучащей как приговор: «Ни хытру, ни горазду суда Божіа не минути!» [30, с. 38], некоторые исследователи склонны считать поэмой в поэме, «песнью о Всеславе» [14, с. 183–198; 3, с. 157–226; 6; 21]. Так или иначе в отрывке, посвященном Всеславу, поэт размышляет о судьбе князя-чародея. Брошенный им судьбоносный жребий представляется, с одной стороны, фатальным выбором пути (под «дѣвицею себѣ любой», как полагают медиевисты, скорее всего, имелось в виду его семимесячное киевское княжение), с другой — оборотничеством, которое в архаических воззрениях подсудно высшему суду⁷. Отсюда — двойное отношение поэта к полоцкому князю: являясь одним из активных участников кровопролитных междоусобиц, Всеслав осуждается, но, будучи легендарно-эпическим героем, находит сочувствие и оправдание. «Неприкаянный князь, мечущийся, как затравленный зверь, хитрый, “вещий”, но несчастный неудачник: перед нами исключительно яркий образ князя-вотчинника, князя периода феодальной раздробленности Руси», — так емко охарактеризовал Всеслава-чародея Д.С. Лихачев [5, с. 101].

Кроме «Слова о полку Игореве», Троян упоминается в апокрифическом переводе с греческого источника «Хождении Богородицы по мукам» в одном ряду с другими языческими божествами славян —

---

⁷ В том случае, если речь идет о христианском Боге, фраза эта, вероятнее всего, результат позднейшей интерполяции, как и все остальные христианские мотивы языческого по существу памятника. То, что «Слово» дошло до нас в одном-единственном списке, меньше всего свидетельствует о его непопулярности: неприемлем был мощный дух Бояновой образности, не исключающий, а предполагающий упоминание о развенчанных, но не забытых языческих богах.

Хорсом, Велесом и Перуном, а также фигурирует в фольклоре, особенно у южных славян в причудливых анималистических обликах. В сербских народных сказках Троян представлен то как царь, у которого отросли козлиные уши⁸, то как трехглавый змей, у которого одна голова пожирает рыб, другая — зверей, а третья — людей. Можно предположить, что это хтоническое чудовище тождественно или по крайней мере родственно популярному в мифологии балтийских славян Триглаву⁹, головы которого символизировали надземное царство (небо), подземное царство (преисподнюю) и срединное царство (землю).

Если в «Слове о полку Игореве» загадочный бог (вернее связанные с ним атрибуты хронотопа: *тропа*, *земля* и дважды *века*) называется четырежды, то в книге Кондратьева он обосновался в трех соседних сонетах «Земля I», «Земля II» и собственно «Троян».

Сонет, как известно, не только жанровая, но и строфическая форма. Поэтому он может амбивалентно функционировать как в одиначном виде, так и в циклических ассоциациях, от минициклов в 2–3 сонета до самых крупных строфических образований, типа сюит, венков, корон, тиар, поэм, повестей, романов, книг сонетов и даже таких монстров, как «Дядэмная споведзь» («вянок вянокў вянокў санетаў»), в исполнении, например, на белорусском языке Софьи Шах [26]. В случае со «Славянскими богами» Кондратьева речь, видимо, должна идти о книге, включающей в себя 69 сонетов, которая, в свою очередь, содержит циклизующиеся внутри нее сонетные ассоциации по персоналиям. Таковы, в частности, три сонета с 12-го по 14-й, повествующие о закономерном чередовании времен года, одним из главных субъектов которого является загадочный Троян.

---

⁸ Сербская народная сказка «У царя Траяна козлиные уши!» / пер. Н. Дмитриева.

⁹ А.Н. Афанасьев, рассматривавший Трояна «воплощением ночного мрака и туманов», склонен был отождествлять его с Триглавом [1, с. 65, 69, 133]. С ним полемизировал А.А. Котляревский, считавший Трояна римским императором, а слово Триглав всего лишь прозвищем идола [4, с. 13–14]. Кстати, Триглаву Кондратьев посвятил отдельный сонет «Щетинский Триглав». Как и Троян, он, «Предвечной Ночи сын», имеет три головы, а четвертую, которую ему отрубил Перун, весь день держит «за длинные рога». В авторском примечании сказано: «Божество, лики которого соответствуют фазам луны. Черная масть коня указывает на ночной характер этого бога. Храм подробно описан Оттоном Бамбергским» [25, с. 233].

Рассмотрим их как миницикл-тройчатку:

Земля I

(aBBaaBBaCddCdC)

Земля прекрасная, любовница богов;	яЯП яПЯ
Для каждого из них меняешь ты наряды.	яПЯ яЯЯ
Лишь пробудят тебя весной Дажбога взгляды,	ПЯЯ яЯЯ
Ты сбрасываешь свой белеющий покров	яПЯ яПЯ
И ризой в зелени пестреющих цветов	яЯП яПЯ
Пленяешь божий взор. Веленьям властным Лады	яЯЯ яЯЯ
Покорная, любви вкушаешь все отрады	яПЯ яЯЯ
С небесным юношей. Но вот из облаков	яЯП яЯЯ
Златобородый царь свой лик покажет смелый	ПЯЯ яЯЯ
И страсти молнией нежданно опалит,	яЯП яПЯ
И для Перуна ты приемлешь новый вид —	ПЯЯ яЯЯ
Убранства желтые, как нивы колос спелый.	яЯП яЯЯ
А там зима идет, и стан твой вновь обвит	яЯЯ яЯЯ
Для князя сумрака одеждой снежно-белой.	яЯП яЯЯ

Земля II

(aBBaaBBaCDDccD)

Пусть этот истукан тяжел и неуклюж,	яПЯ яПЯ
Но ты почти его, о путник чужестранный!	яЯЯ яПЯ
Я — Мать-Сыра-Земля. Ко мне стрелой багряной	яЯЯ яЯЯ
Из тучи вспыхнувшей Перун слетал, как муж.	яЯП яЯЯ
Покинутая им на время зимних стуж,	яПЯ яЯЯ
Я в сон погружена. Покров мой белотканый	яПЯ яПЯ
Тревожит лишь Троян рукою нежеланной.	яПЯ яПЯ
Бог этот издавна мне и не мил и чуж,	СЯП ПЯЯ
И жуткой страсть его мне кажется во сне...	яЯЯ яПЯ
Под лаской Дажбога я открываю очи;	яЯП яЯЯ
Люблю его, и прочь летят виденья ночи...	яЯЯ яЯЯ
Но краток наш союз. Передаю Весне,	яЯЯ ПЯЯ
Любимой дочери, — любимца. Дажбог с ней	яЯП яЯЯ
Недолго счастлив. Их союз еще короче.	яЯЯ яЯЯ

Троян

(aBVaaVBaCCdCdd)

Земля, ты солгала! Ужели лишь во сне,	ЯПЯ ЯПЯ
Без чувства и без сил, лишенная сознания,	ЯПЯ ЯПЯ
Ты делишь страсть мою, и на мои желанья,	ЯЯЯ ПЯЯ
Холодная, ничем не отвечаешь мне?!	ЯПЯ ПЯЯ
Нет! В ночи летние, со мной наедине,	СЯП ЯПЯ
Еще горячая от Солнцева лобзанья,	ЯЯП ЯПЯ
О, Ненасытная, какие ты признанья,	ПЯП ЯЯЯ
Смотря в лицо мое, шептала в тишине!	ЯЯЯ ЯПЯ
Кто не пускал меня, когда уж все живое	ПЯЯ ЯЯЯ
Вставало ото сна?! И око огневое,	ЯПЯ ЯПЯ
Дажьбогово, меня завидя над тобой,	ЯПЯ ЯПЯ
Сверкнуло яростью... Тут ухо восковое	ЯЯП ЯПЯ
Мое растаяло, и, не решаь на бой,	ЯЯП ПЯЯ
Я со стыдом с небес сбежал, как вор ночной.	ПЯЯ ЯЯЯ
	[25, с. 216–218]

Как видим, в единый сюжетный комплекс органично увязаны три мифологических эпизода, но излагаются они не одинаково. В I сонете к персонифицированной Земле обращается абстрагированный лирический субъект. Конечно, это обращение далеко не аналогично тому, которое мы видели в «Слове о полку Игореве»: «О Русская земле! Уже за шеломянемъ еси!» — дважды рефреном [31, с. 11–12] или в «Слове о погибели Русской земли...»: «О, свѣтло свѣтлая и украсно украшена, земля Руськая! И многими красотами удивлена еси...» [29, с. 130]. Разница не только в адресантах, но и в адресатах: одно дело общаться с богиней, другое — с Родиной, хотя глубинное генетическое родство все же сохраняется. Здесь же намечается логика образных метаморфоз олицетворенной Земли — поочередной «любовницы богов», для каждого из которых она меняет свои наряды. В поэтической интерпретации смены времен года Земля пробуждается весной от взглядов Дажбога, сбрасывает «свой белеющий покров / И ризой в зелени пестреющих цветов» пленяет «божий взор. / Веленьем властным Лады / Покорная...», вкушает все отрады любви «с небесным юношей» Ярилой. Затем «из облаков» являет свой лик «златобородый царь» и неожиданно опалает земную богиню «молнией страсти»; иными слова-

ми, с приходом осени наступает черед Перуна, для которого Земля «приемлет новый вид — / Убранства желтые, как нивы колос спелый». С наступлением зимы ее стан «вновь обвит / Для князя сумрака одеждой светло-белой» [25, с. 216]. Иными словами, в «Земле I» Троян присутствует косвенным образом как «князь сумрака».

Любовные переживания Земли в процессе сезонного (и суточного) кругооборота проявляются с учетом всех элементов системы, т. е. в контексте книги сонетов в целом. Из предшествующего сонета «Лад-хлад» выясняется, что зимой ее властелином становится «не пастишок с свирелью и в лаптях / И не вздыхатель <...> смиренный и покорный», а Лад, под «необорной», «властною десницею» которого «Земля смиряется, богинь объемлет страх». Сам Перун не осмеливается противостоять ему. Один лишь Стрибог ведет с ним «бесплодный, хоть и упорный» спор за власть [25, с. 213]. Но это со слов самого Лада...

Зачин «Земли II» производит довольно странное, двойственное впечатление. С одной стороны, он выглядит как продолжение предшествующего сонета, в конце которого является «Князь сумрака в одежде светло-белой», и этой фразой повествование резко обрывается. С другой стороны, при отсутствии кавычек обращение к «путнику чужестранному» вполне можно расценить как начало прямой речи «Матери — Сырой Земли», которая, начиная с 3-го стиха, дает себе развернутую самохарактеристику. Богиня признается, что к ней «стрелой багряной / Из тучи вспыхнувшей Перун слетал. Как муж», после чего, «покинутая им на время зимних стуж», она погружается в сон. В эту пору ее «белотканый покров» «тревожит лишь Троян рукою нежеланной». Он ей «не мил и чуж», а его страсть к ней кажется ей жуткой даже во сне. Имя Трояна, при первом появлении, лаконично комментируется самим автором в сноске: «Лунного происхождения бог, по ночам обнимающий землю» [25, с. 217].

Полную характеристику — тоже самому себе — Троян дает в заключительном сонете тройчатки, открывающемся полемическим выражением предмету его сумеречной страсти. Оказывается, Троян искушает Землю своей постылой любовью не только в зимние месяцы, соперничая с Ладом-Хладом, но и «в ночи летние», вызывая ревнивую ярость Дажбога. Любопытна ссылка по поводу «воскового уха»: «По болгарской легенде, носимое Трояном, вероятно, взамен отрубленно-

го кем-то из богов. Ухо — это месяц, тающий при появлении Солнца» [25, с. 218]. Может быть, в очень опосредованном виде здесь отразился древнегреческий миф о гибели сына Дедала Икара.

Как видим, для интерпретации Трояна Кондратьев воспользовался в основном южнославянскими источниками: смутные предания о мифическом царе, погибшем от солнечных лучей, породили мотив соперничества ночного божества «лунного происхождения» с сугубо дневным — солнечным. Прямых переключек с образом этого бога в «Слове о полку Игореве», т. е. с «Трояновыми тропами», «Трояновой землей» и «Трояновыми веками», в его сонетах не прослеживается, хотя совершенно проигнорировать их он тоже не мог.

Как и автор «Слова», он не отрекся от древних славянских богов, а постарался извлечь из языческой мифологии свойственную ей яркую образную пластику, дополнив ее собственной поэтической фантазией.

Видимо, с одной стороны, все доступные и известные ему трактовки медиевистов он отверг как не заслуживающие доверия. С другой стороны, то, что этот бог получил в его книге обстоятельную персональную характеристику, можно считать лишним доводом в пользу реального существования его культа в эпоху создания «Слова» и обоснованности соответствующих интерпретаций в Слововедении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М.: Изд-е К. Солдатенкова, 1865. Т. 1. 798 с.
- 2 *Бохан Д.* Мифотворчество А.А. Кондратьева // *Кондратьев А.* На берегах Ярыни. Рівне: Волинські обереги, 2006. С. 311–316.
- 3 *Грушевский М.С.* Історія української літератури. Київ; Львів: [б. и.], 1923. Т. 2 (Ч. 1, кн. 2). С. 157–226.
- 4 *Котляревский А.А.* Троян: Материалы для археологического словаря // *Древности: Труды Московского археологического общества.* 1865. Т. 1. Вып. 1. С. 13–14.
- 5 *Лихачев Д.С.* «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л.: Худож. лит., 1978. 352 с.
- 6 *Ляцкий Е.А.* Слово о полку Игореве. Повесть о князьях Игоре, Святославе и исторических судьбах Русской земли: Очерк из истории древнерусской литературы. Композиция, стиль. Praha: Slovansky ustav, 1934. 233 с.

- 7 *Максимов В.И.* Века Трояновы и время Бусово в «Слове о полку Игореве» // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 15 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 706–719.
- 8 *Соколова Л.В.* Троян в «Слове о полку Игореве»: (Обзор существующих точек зрения) // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1990. Т. 44. С. 325–362.
- 9 *Топоров В.Н.* Неомифологизм в русской литературе начала XX века: Роман А.А. Кондратьева «На берегах Ярыни». Trento: Vevzlin, 1990. 326 с. (Eurasistica: Quaderni del Dip. di studi eurasiatrici / Univ. degli studi di Venezia.)
- 10 *Федотов О.И.* О соляных образах в «Слове о полку Игореве» и сонетах Петра Бутурлина // Литература Древней Руси и Нового времени. Материалы XI конференции «Древнерусская литература и литература Нового времени, посвященной памяти Николая Ивановича Прокофьева». Москва, 3–4 декабря 2020 г. / под общ. ред. Н.В. Трофимовой. М.: Электронное издание сетевого распространения, 2021. С. 187–200.
- 11 *Федотов О.И., Шелемова А.О.* Боян и «Поэт полка Игорева» в одноименном цикле сонетов Владимира Пальчикова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. № 1. С. 66–75.
- 12 *Федотов О.И., Шелемова А.О.* Гроза над «землей неизвестной» (сонет М. Волошина «Гроза» из цикла «Киммерийские сумерки» и «Слово о полку Игореве») // Русь-Россия и Великая Степь: Восьмые Крымские Пушкинские международные чтения. Крым, Новый Свет – Перекоп, 13–19 сент. 1998: Материалы / редкол.: В.П. Казарин (отв. ред.) и др. Симферополь: [б. и.], 1999. С. 170–175.
- 13 *Федотов О.И., Шелемова А.О.* Троян в «Слове о полку Игореве» и «Славянских богах» Александра Кондратьева // Вестник Крымских литературных чтений. Симферополь: [б. и.], 2009. С. 211–217.
- 14 *Франко І.* Історія української літератури // *Франко І.Я.* Зібрання творів: у 50 т. Київ: Наукова думка, 1983. Т. 40. С. 183–190.
- 15 *Чернов А.* Хроники изначального времени. М.: Вита Нова, 2006. 840 с.
- 16 *Шелемова А.О.* Мог ли автор «Слова о полку Игореве» излагать от Гомера? // Славян. літ. у кантэксце сусвет.: Матэрыялы V Міжнар. навук канф., прысвеч. 80-годдзю Бел. дзярж. ун-та (Мінск, 16–18 кастр. 2001 г.): у 3 ч. Мн., 2001. Ч. 3: Русская литература в контексте мировой. Достоевский и мировой литературный процесс. С. 159–168.
- 17 *Шелемова А.* «Слово о полку Игореве» и... Опыт интертекстуального анализа. London: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 172 с.
- 18 *Шелемова А.О.* «Слово о полку Игореве»: поэтика пространства и времени. М.: Прометей, 2000. 247 с.
- 19 *Шелемова А.О., Федотов О.И.* Славянские боги А. Кондратьева в интертексте «Слова о полку Игореве» и сонетного цикла П. Бутурлина (Стрибог) // Алек-

- сандр Кондратьев. Исследования, материалы, публикации. Ровно: Геден-Принт, 2010. Вып. 2. С. 101–114.
- 20 *Brückner A.* Mitologia słowiańska i polska. Warszawa: PWN, 1985. 383 s.
- 21 *Franko I.* Beiträge zur Quellenkritik einigeraltrussischen Denkmäler // *AfslPh.* 1907. Bd. 19. S. 299–304.

Источники

- 22 *Блок А.* Записные книжки 1901–1920. М.: ГИХЛ, 1965. 663 с.
- 23 *Бутурлин П.* Сонеты. Киев: Тип. Г.Л. Фронцкевича, 1895. 58 с.
- 24 *Гомер.* Илиада. Одиссея. М.: Худож. лит., 1967. 766 с.
- 25 *Кондратьев А.* Боги минувших времен. М.: Молодая гвардия, 2001. 320 с.
- 26 *Котляров И.* Воплощение мифа // *Литературная газета.* 02.12.2022. URL: <https://lgz.ru/neformat/voploshchenie-mifa/> (дата обращения: 12.05.2022).
- 27 *Линник Ю.* ΣΤ'ΕΦΑΝΟΣ. Венок сонетов. Петрозаводск: Verso, 2014. 340 с.
- 28 *Северянин И.* Собр. соч.: в 5 т. СПб.: Logos, 1995. Т. II. 706 с.
- 29 Слово о гибели Русской земли // *Памятники литературы Древней Руси: XIII век / вступ. ст. Д.С. Лихачева; общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева.* М.: Худож. лит., 1981. С. 130–131.
- 30 Слово о полку Игоре: [Сборник / сост., подгот. текстов и примеч. Л.А. Дмитриева; вступ. ст. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева]. Л.: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1990. 399 с. (Б-ка поэта. Осн. М. Горьким в 1931 г. Малая сер. 4-е изд.)
- 31 Слово о полку Игоре: // *Энциклопедия «Слова о полку Игоре»:* в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. С. 9–14.
- 32 *Соколова Л.В.* Троян в «Слове» // *Энциклопедия «Слова о полку Игоре»:* в 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5. С. 131–137.
- 33 *Топоров В.Н.* Троян // *Мифологический словарь.* М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 538.

REFERENCES

- 1 Afanas'ev, A.N. *Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izucheniia slavianskikh predanii i verovanii, v sviazi s mificheskimi skazaniiami drugikh rodstvennykh narodov* [Poetic Views of the Slavs on Nature: An Experience of a Comparative Study of Slavic Traditions and Beliefs, in Connection with the Mythical Tales of Other Kindred Peoples], vol. 1. Moscow, Izdanie K. Soldatenkova Publ., 1865. 798 p. (In Russian)
- 2 Bokhan, D. "Mifotvorchestvo A.A. Kondrat'eva" ["Myth-making by A.A. Kondratiev"]. *Na beregakh Iaryni* [On the banks of Yaryn], A. Kondrat'ev. Rivne, Volins'ki oberegi Publ., 2006, pp. 311–316. (In Russian)
- 3 Grushevskii, M.S. *Ictoriia ukrains'koï literature* [History of Ukrainian literature], vol. 2 (part 1, book 2). Kiïv, L'viv, 1923, pp. 157–226. (In Ukrainian)

- 4 Kotliarevskii, A.A. "Troian: Materialy dlia arkhelogicheskogo slovaria" ["Trojan: Materials for an Archaeological Dictionary"]. *Drevnosti: Trudy Moskovskogo arkhelogicheskogo obshchestva* [Antiquities: Proceedings of the Moscow Archaeological Society], vol. 1, issue 1, 1865, pp. 13–14. (In Russian)
- 5 Likhachev, D.S. 'Slovo o polku Igoreve' i kul'tura ego vremeni ['The Tale of Igor's Campaign' and the Culture of His Time]. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1978. 352 p. (In Russian)
- 6 Liatskii, E.A. Slovo o polku Igoreve. Povest' o kniaz'iakh Igore, Sviatoslave i istoricheskikh sud'bakh Russkoi zemli: Ocherk iz istorii drevnerusskoi literatury. Kompozitsiia, stil' [The Tale of Igor's Campaign. The Tale of Princes Igor, Svyatoslav and the Historical Destinies of the Russian Land: An Outline from the History of Old Russian Literature. Composition, style]. Praha, Slovansky ustav Publ., 1934. 233 p. (In Russian)
- 7 Maksimov, V.I. "Veka Troianovy i vremia Busovo v 'Slove o polku Igoreve'." ["The Trojan Centuries and the Time of Busovo in 'The Tale of Igor's Campaign.'"]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 15, IWL RAS. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2010, pp. 706–719. (In Russian)
- 8 Sokolova, L.V. "Troian v 'Slove o polku Igoreve:' (Obzor sushchestvuiushchikh tochek zreniia)" ["Trojan in 'The Tale of Igor's Campaign:' (Review of Existing Points of View)"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 44. Leningrad, Nauka Publ., 1990, pp. 325–362. (In Russian)
- 9 Toporov, V.N. Neomifologizm v russkoi literature nachala XX veka: Roman A.A. Kondrat'eva 'Na beregakh Iaryni' [Neomythologism in Russian Literature of the Early 20th Century: Roman A.A. Kondratiev 'On the Banks of Yaryn']. Trento, Vevzlin Publ., 1990. 326 p. (Eurasistica: Quaderni del Dip. di studi eurasiatrici / Univ. degli studi di Venezia) (In Russian)
- 10 Fedotov, O.I. "O soliarnykh obrazakh v 'Slove o polku Igoreve' i sonetakh Petra Buturlina" ["On the Solar Images in 'The Tale of Igor's Campaign' and Pyotr Buturlin's Sonnets"]. Trofimova, N.V., editor. *Literatura Drevnei Rusi i Novogo vremeni. Materialy XI konferentsii "Drevnerusskaia literatura i literatura Novogo vremeni, posviashchennoi pamiati Nikolaia Ivanovicha Prokof'eva"*. Moskva, 3–4 dekabria 2020 g. [Literature of Old Rus' and Modern Times. Proceedings of the 11 Conference "Old Russian Literature and the Literature of Modern Times, Dedicated to the Memory of Nikolai Ivanovich Prokofiev." Moscow, December 3–4, 2020]. Moscow, Elektronnoe izdanie setevogo rasprostraneniia Publ., 2021, pp. 187–200. (In Russian)
- 11 Fedotov, O.I., and A.O. Shelemova. "Boian i 'Poet polka Igoreva' v odnoimennom tsikle sonetov Vladimira Pal'chikova" ["Boian and 'The Poet of Igor's Campaign' in the Cycle of Sonnets of the Same Name by Vladimir Palchikov"]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, no. 1, 2017, pp. 66–75. (In Russian)

- 12 Fedotov, O.I., and A.O. Shelemova. "Groza nad 'zemlei neznaemoi' (sonet M. Voloshina 'Groza' iz tsikla 'Kimmeriiskie sumerki' i 'Slovo o polku Igoreve')" ["Thunderstorm over the 'Unknown land' (M. Voloshin's Sonnet 'Thunderstorm' from the Cycle 'Cimmerian Twilight' and 'The Tale of Igor's Campaign')"]. *Rus'-Rossiia i Velikaia Step': Vos'mye Krymskie Pushkinskie mezhdunarodnye chteniia. Krym, Novyi Svet – Perekop, 13–19 sent. 1998: Materialy* [Rus'-Russia and the Great Steppe: 8th Crimean Pushkin International Readings. Crimea, Novy Svet – Perekop, 13–19 Sept. 1998: Materials], ed. board V.P. Kazarin (ed.) et al. Simferopol', 1999, pp. 170–175. (In Russian)
- 13 Fedotov, O.I., and A.O. Shelemova. "Troian v "Slove o polku Igoreve" i 'Slavianskikh bogakh' Aleksandra Kondrat'eva" ["Trojan in 'The Tale of Igor's Campaign' and 'Slavic Gods' by Alexander Kondratiev"]. *Vestnik Krymskikh literaturnykh chtenii*. Simferopol', 2009, pp. 211–217. (In Russian)
- 14 Franko, I. "Ictoriia ukrains'koï literature" ["History of Ukrainian literature"]. *Zibrannia tvoriv: u 50 t.* [Selected Works: in 50 vols.], I.Ia. Franko, vol. 40. Kiïv, Naukova dumka Publ., 1983, pp. 183–190. (In Ukrainian)
- 15 Chernov, A. *Khroniki iznannochnogo vremeni* [Chronicles of the Wrong Time]. Moscow, Vita Nova Publ., 2006. 840 p. (In Russian)
- 16 Shelemova, A.O. "Mog li avtor 'Slova o polku Igoreve' 'izlagat' ot Gomera?'" ["Could the author of 'The Tale of Igor's Campaign' expound from Homer?"]. *Slavian. lit. u kontekstse susvet.: Materyialy V Mizhnar. navuk kanf., prysvech. 80-goddziu Bel. dziarz. un-ta* (Minsk, 16–18 kastr. 2001 g.): U 3 ch. Ch. 3: *Russkaia literatura v kontekste mirovoi. Dostoevskii i mirovoi literaturnyi protsess* [Slavs. Lit. in the Context of Universe.: Materials of 5th International Science Conference on the 80th Anniversary of Belarusian State University (Minsk, October 16–18, 2001): in 3 parts. Ch. 3: Russian Literature in the World Context. Dostoevsky and the World Literary Process]. Minsk, 2001, pp. 159–168. (In Russian)
- 17 Shelemova, A. "Slovo o polku Igoreve" i... Opyt intertekstual'nogo analiza ["The Tale of Igor's Campaign' and... the Experience of Intertextual Analysis]. London, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 172 p. (In Russian)
- 18 Shelemova, A.O. "Slovo o polku Igoreve": poetika prostranstva i vremeni ["The Tale of Igor's Campaign: Poetics of Space and Time]. Moscow, Prometei Publ., 2000. 247 p. (In Russian)
- 19 Shelemova, A.O., and O.I. Fedotov. "Slavianskie bogi A. Kondrat'eva v intertekste 'Slova o polku Igoreve' i sonetnogo tsikla P. Buturlina (Stribog)" ["Slavic Gods by A. Kondratiev in the Intertext of 'The Tale of Igor's Campaign' and the Sonnet Cycle of P. Buturlin (Stribog)"]. *Issledovaniia, materialy, publikatsii* [Research, Materials, Publications], Alexander Kondratiev, issue 2. Rovno, Gedeon-Print Publ., 2010, pp. 101–114. (In Russian)
- 20 Brückner, Aleksander. *Mitologia słowiańska i polska*. Warszawa, PWN, 1985. 383 p. (In Polish)
- 21 Franko, I. "Beiträge zur Quellenkritik einiger altrussischen Denkmäler." *AfsIph*. Bd. 19. 1907. S. 299–304. (In German)

***

Информация об авторе: Олег Иванович Федотов — доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1/1, 119991 г. Москва, Россия.

E-mail: o_fedotov@list.ru

Information about the author: Oleg I. Fedotov, DSc in Philology, Professor, Moscow Pedagogical State University, M. Pirogovskaya 1/1, 119991 Moscow, Russia.

E-mail: o_fedotov@list.ru

***

Для цитирования: Федотов О.И. Троян в «Слове о полку Игореве» и в сонетах Александра Кондратьева // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 22 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 563–580. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-563-580>

© 2023, О.И. Федотов

For citation: Fedotov, O.I. "A Trojan in 'The Tale of Igor's Campaign' and the Sonnets of Alexander Kondratiev." *Germevenvtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 22. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 563–580. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-563-580>

© 2023, Oleg I. Fedotov